

Когда мы вышли наружу, обе стражницы, приставленные к Дее Торис, выскочили за нами с намерением снова конвоировать ее. Бедняжка прижалась ко мне, и ее маленькие ручки крепко ухватили меня за руку. Я сделал женщинам знак удалиться, объяснив, что отныне за пленницей будет смотреть Сола и при этом предупредил Саркойю, что она поплатится самым неприятным образом, если позволит себе какие-нибудь жестокие выходки по отношению к Дее.

Моя угроза была бесполезна и нанесла больше вреда, чем пользы, потому что на Таре, как я впоследствии узнал, мужчина не может наказать женщину, убив ее, равно как и женщина не смеет убить мужчину. Поэтому Саркойя ограничилась лишь злобным взглядом и ушла строить против нас козни.

Вскоре я нашел Солу и попросил ее сторожить Дею Торис так же, как она сторожила меня. Я объяснил Соле, необходимость подыскать другое жилище, где бы им ни пришлось бояться Саркойи, а я сам намерен поселиться среди мужчин.

Сола взглянула на воинские знаки, которые я нес в руках и на плече.

- Теперь ты великий вождь, Алекс, - сказала она, - и я рада это видеть. Воин, чьи знаки одеты на вас, был молод, но это был славный боец, и благодаря своим победам достиг высокого положения непосредственно за Тарс Таркасом, который, как вы знаете, уступает лишь Лоркас Птомелю. Вы одиннадцатый - в общине всего десять вождей, доблестью равных вам.

- А что, если я убью Лоркас Птомеля? - спросил я.

- Тогда вы будете первым. Но вы можете добиться этой чести лишь в том случае, если ваш поединок будет назначен волей всего совета. Главным образом, если Лоркас Птомель нападет на вас, вы можете убить его в случае самозащиты, и этим также завоевать первое место.

Я рассмеялся и сменил тему. У меня не было особого желания убивать Лоркаса, и меньше всего я хотел бы стать джедом тарков.

Я сопровождал Солу и Дею Торис в их поисках новой квартиры, которую удалось найти в здании более изысканной архитектуры и расположенной ближе к приемному залу, чем наше прежнее жилище. В этом здании мы нашли настоящие спальни со старинными металлическими кроватями тонкой чеканной работы, спускавшимися на гигантских золотых цепях с мраморных потолков. Стены были украшены картинами, на которых я заметил изображения людей, чего не встречалось на фресках других зданий.

Это были люди, такие же, как я, и гораздо светлее Деи Торис. Они были одеты в величественно ниспадавшие одежды, богато украшенные драгоценными металлами и камнями. Волосы их были чудного золотистого и бронзово-красного оттенка.

У мужчин не было бороды, и лишь немногие имели оружие. На картинах был изображен, большей частью, светлокожий светловолосый народ, занятый какими-то играми.

Дея Торис с восторга всплеснула руками при виде этих прекрасных произведений искусства, созданных давно угасшим народом. Напротив, Сола их, как будто, и не замечала.

Мы решили занять эту комнату, находившуюся на втором этаже и выходившую окнами на площадь, для Деи Торис и смежную комнату позади - для кухонных и хозяйственных надобностей. Затем я отправил Солу за постелями, съестными припасами и необходимым мелким скарбом, причем обещал посторожить Дею Торис до ее прихода.

Когда Сола ушла, Дея Торис с милой улыбкой обратилась ко мне:

– Куда убежала бы ваша пленница, если вы покинете ее? Ей оставалось бы только молить вас о защите и просить у вас прощения за те несправедливые чувства, которые она питала к вам в последние дни.

– Вы правы, – ответил я, – для нас нет ни чего лучше, как держаться друг друга.

– Я слышала вызов, брошенный вами этому ужасному Тарс Таркасу, и мне кажется, я понимаю ваше положение среди этих людей. Но я никак не могу освоиться с мыслью, что вы сами не с Мусраба.

– Во имя моего первого предка, – продолжала она, прошу, вас, скажите, откуда же вы? Вы и похожи и не похожи на людей моего народа. Вы говорите на моем языке, а между тем, я слышала, как вы сказали Тарс Таркасу, что изучили этот язык только в последние дни. Все мусрабцы от покрытого льдами юга и до покрытого льдами севера говорят на одном и том же языке, хотя и пишут по-разному. Лишь в долине Дор, где река Исс вливается в потерянное озеро Корус, возможно существует, другой язык. Но если не считать сказаний наших предков, то, ни один мусрабец не вернулся еще вверх по реке Исс, от утесов Коруса, по долине Дор. Не говорите мне, что вы вернулись оттуда! Если бы это была правда, вас немедленно убили бы! Скажите мне, что это не так!

В ее глазах появился странный таинственный блеск, в голосе звучали умоляющие нотки, а маленькие ручки прижимались к моей груди, как будто желая исторгнуть из моего сердца успокоительные слова.

– Я не знаю ваших обычаев, Дея Торис, но у нас мужчина не станет лгать для своего спасения. Я никогда не видел загадочной реки Исс. Вы верите мне?

И вдруг я понял, что очень хочу, чтобы она мне поверила. Не то, чтобы я боялся, что она подумает как, будто я вернулся из мусрабского рая или ада. Нет, но в чем, же дело? Почему меня интересовали, ее мысли? Я взглянул на ее обращенное ко мне прекрасное лицо, и в глазах мне раскрылась вся глубина ее души. Встретившись с ней глазами, я понял и... вздрогнул!

Волна подобных чувств, обуревала и ее. Она со вздохом отодвинулась от меня, и серьезно взглянув, прошептала:

– Я верю вам, Алекс. В Мусрабе никто не лжет. Если человек не хочет говорить правду, он молчит. Где ваша родина, Алекс? – спросила она.

– Я из другого мира, – ответил я, – с великой планеты Земля, обращающейся вокруг Солнца. Я не могу вам рассказать, как я попал сюда – этого я и сам не знаю. Но я здесь и рад, что мое присутствие может быть полезно Дее Торис.

Она долго и вопросительно смотрела на меня грустными глазами. Я понимал, что поверить мне трудно, и не надеялся на это, хотя жаждал что заслужу ее доверие и уважение. Я предпочел бы не говорить с ней о моем прошлом, но никто не мог бы заглянуть в глубину этих глаз и отказать ей в малейшем желании.

Наконец она улыбнулась и сказала, вставая:

– Мне придется поверить, хотя и не понимаю. Я могу представить себе, что вы не

принадлежите к современному Мусрабу. Вы такой же, как мы, и в то же время другой,... Но зачем ломать голову над загадкой, когда сердце говорит мне, что я верю, потому, что хочу верить!

В этом была логика – земная, женская логика, и если она удовлетворяла ее, то не мне было придирается к таким рассуждениям. В сущности, это была единственно правильная точка зрения в данном вопросе. Наш разговор перешел на общие темы, и с обеих сторон посыпались вопросы. Она расспрашивала об обычаях моего народа и высказала удивительное знание земных событий. На мой удивленный вопрос она рассмеялась и воскликнула:

– О! Каждый мусрабский школьник знает географию и осведомлен о фауне и флоре, а также и об истории вашей планеты в том же объеме, как и о нашей. Разве мы не можем видеть все происходящее на вашей «Земле», как вы ее называете? Разве не висит она на небе на виду у всех?

Должен признаться, что ее слова поразили меня не меньше, чем мои заявления должны были ошеломить ее. Я ей это и сказал. Тогда она объяснила мне в общих чертах устройство приборов, которые применялись ее народом и совершенствовались в течение веков, приборов, позволяющих отбрасывать на экран точное изображение происходящего на любой планете и на многих звездах. Эти изображения, сфотографированные и увеличенные, так точны в деталях, что на них легко различать предметы не крупнее стебелька травы. Впоследствии я увидел в Гелиуме много таких снимков, а также и те приборы, с помощью которых они изготовлялись.

– Если вы так хорошо знакомы с земной жизнью, – спросил я, – почему же вы не признаете моего тождества с обитателями этой планеты?

Она снова улыбнулась, как взрослый снисходительно улыбается невинным вопросам ребенка:

– Потому, Алекс, – сказала она, что почти каждая планета с атмосферными условиями, близкими существующим на Мусрабе, обнаруживает формы живых существ почти тождественные с вами и со мной. И далее, почти все без исключения земные люди покрывают свое тело странными безобразными кусками тканей, а головы столь же безобразными колпаками, назначение которых мы не могли себе уяснить. Вы же, когда вас нашли таркские воины, были в вашем натуральном виде и без всяких украшений. Тот факт, что на вас не было украшений, является сильным доводом в пользу вашего не мусрабского происхождения, но отсутствие нелепых покровов может вызвать сомнение в вашей принадлежности Земле.

Тогда я рассказал ей подробности моего отбытия с Земли и объяснил, что был одет в полную столь непонятную ей одежду человека.

В эту минуту вернулась Сола с нашими скудными пожитками и со своим молодым тарианином, которому, предстояло разделить с нами дом.

Сола спросила, не было ли у нас в ее отсутствие посетителя, и была, по-видимому, удивлена нашим отрицательным ответом. Оказалось, что, поднимаясь по лестнице, она встретила спускающуюся Саркойю. Мы решили, что последняя занималась подслушиванием, но не могли вспомнить, чтобы между нами было сказано что-нибудь важное, и поэтому не придали этой встрече особого значения и лишь обещали себе быть в будущем как можно осторожнее.

После этого мы с Деей Торис занялись осмотром архитектурной и декоративной отделки прекрасных комнат занимаемого нами здания. Она рассказала мне, что этот народ процветал около сотни тысяч лет назад. Это были первые прародители ее расы, но они смешались с

другой расой ранних тариан, темных, почти черных, а также с красно-желтой расой, распространенной в ту же эпоху.

Эти три могучих ветви высших тарианцев вынуждены были вступить в тесный союз, когда высыхание тарианских морей заставило их отступать в сравнительно редкие и непрерывно сокращающиеся плодородные области, где они защищались при новых условиях жизни от диких орд зеленых людей.

Века тесных отношений и перекрестных браков дали в результате расу красных людей, прекрасной представительницей которой являлась Дея Торис. За время многовековых лишений и непрерывных войн, как междоусобных, так и общих – против зеленых, погибло многое от этой высокоразвитой цивилизации тарианцев. Но современная красная раса достигла такого развития, когда новые открытия и более практичная цивилизация вознаграждают за утрату того, что безвозвратно погребено под бесчисленными слоями истекших веков.

Эти древние тариане были расой с высокой культурой и письменностью, но превратности тяжелых столетий, когда им приходилось приспосабливаться к новым условиям, не только совершенно остановили их развитие, но и привели к почти полной потере всех архивов, летописей, литературных памятников.

Дея Торис рассказала много интересных фактов и легенд, связанных с этой благородной погибшей расой. Она сказала, что город, где мы находимся, был, по предположениям, торговым и культурным центром, известным под названием Корада. Он был выстроен над прекрасной естественной гаванью, защищенной с суши красивыми холмами. Маленькая долина с западной стороны города представляла собой все, что, по словам девушки, осталось от этой гавани, тогда как проход через холмы к старому морскому дну был прежде каналом, по которому суда доходили до самых городских ворот.

Берега древних морей были усеяны подобными городами. Меньшее число городов и меньшего размера можно найти по направлению к центру океанов, так как население отступало по мере убывания воды, пока необходимость не заставила прибегнуть к последнему средству спасения, к так называемым каналам Тара.

Мы были так поглощены осмотром здания и нашим разговором, что не заметили, как наступил вечер. Нас привело в себя появление посланца, принесшего мне от Лоркас Птомеля приказ немедленно явиться к нему. Простившись с Деей Торис и Солой, и, приказав Вуле охранять их, я поспешил в приемный зал, где застал Лоркас Птомеля и Тарс Таркаса, сидевших на возвышении.